

18+

БОГДАН
СЕЛИВАНОВ

СО

ЗВ

ЕЗ

×

ДИЕ

ДЕВ

×

Богдан Селиванов

Созвездие дев

«Издательские решения»

Селиванов Б.

Созвездие дев / Б. Селиванов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-608581-7

Созвездие ярких женских характеров и судеб, замеченное мужчиной-рассказчиком, засияло особым светом в историях, собранных в эту книгу. Каждый рассказ, от первого до последнего, рисует портреты восхитительных женщин, ставших однажды путеводными звёздами. Рассказ «24 часа» ранее публиковался отдельным произведением, а также в сборнике «Женские истории, рассказанные мужчиной».

ISBN 978-5-00-608581-7

© Селиванов Б.
© Издательские решения

Содержание

Богдан Селиванов	6
24 часа	7
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Созвездие дев

Богдан Селиванов

© Богдан Селиванов, 2023

ISBN 978-5-0060-8581-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Созвездие ярких женских характеров и судеб, замеченное мужчиной-рассказчиком, засияло особым светом в историях, собранных в эту книгу. Каждый рассказ, от первого до последнего, рисует портреты восхитительных женщин, ставших однажды путеводными звёздами.

-
- Предисловие
- 24 часа
- Шармель. Птичий остров
- Беркана [1]
- Когда закончится карантин
- Ольга Номер Три
- Вера
- Инесса
- Неожиданные знакомства
- Лида
- примечания
- 1
- 2

Богдан Селиванов

Созвездие дев

Предисловие

Дорогие мои читательницы! Вы держите в руках книгу, в которую я собрал женские истории, ставшие стежком, накрепко сшившим меня с их героинями. Вы это поймёте сразу, как только ваши глаза пробегутся по первым строчкам каждого из рассказов.

Вам, скорее всего, покажется, что вы читаете дневник мужчины, вспоминающего о встречах в разные периоды жизни с необыкновенными женщинами с очень интересными судьбами, которые стали для него путеводными звёздами. Некоторые из них сверкнули лишь однажды, исчезнув навсегда, другие продолжают дарить свой свет и сейчас. Тем не менее, каждая из женщин изменила жизнь этого мужчины, оставив свой неизгладимый след. Этот стиль написания отличает книгу «Созвездие дев» от других, вошедших в «Белую серию» (так я назвал свои книги, рассказывающие исключительно женские истории).

Ещё одна отличительная особенность этой книги – автобиографичность. Каждая история имеет прямое отношение ко мне. Да-да, в каждом рассказе вы встретите меня.

Чуть не забыл, мои дорогие! Рассказ «24 часа» ранее публиковался отдельным произведением, а также в сборнике «Женские истории, рассказанные мужчиной».

Приятного чтения!

24 часа

Оля смотрела в зеркало и видела в нём себя из прошлого. Минувшее казалось ей уродливым, отчего собственное отражение смущало изъязмами и несовершенством. Она приблизила лицо к отражающему стеклу и, внимательно рассматривая на нём морщины, стала каждой из них давать имя. Глубокие носогубные она решила назвать в честь первого мужа Сергея, бывшего её наотмашь по лицу почти десять лет их совместной жизни. Эти удары нельзя забыть никогда. На вечно отёкшем от побоев лице и зародились эти две ломаные линии.

– Сергеевы морщины, – почти шёпотом проговорила она, словно боясь, что снова накликает давно рассыпавшуюся в пепел беду.

Нарекая морщины именем бывшего мужа, Оля возлагала на него всю ответственность за безвременно утраченную молодость. Она была не виновата, виноватым признан он. И свидетельством тому – две глубокие линии, заковавшие в гримасе страха её девичью застенчивую улыбку. Страх, он остался, и он – печать на лице. Пальцы обеих кистей осторожно прикоснулись к поломанной коже возле губ и стали медленно и осторожно, едва касаясь лица, подниматься к глазам. Она уже знала имя, которым назовёт морщины под ними...

Оля закрыла глаза и сделала это для того, чтобы дать полную свободу подушечкам пальцев, обследующих испещрённую множеством морщин кожу под глазами. Странно, но, тактильно чувствуя шероховатости и неровности, она испытывала к ним уважение и ни в коем случае не стеснялась их. Ведь они были – Алёшины морщины...

Алешенька, младший сыночек, безвременно ушедший из жизни в десять лет. Лейкемия. Потоки слёз от страданий по потере сына размыли кожу под глазами, превратив её в долины, испещрённые высохшими руслами. Долины страха и ужаса, исковерканные переживаниями, а русла морщин в них сейчас – как мемориалы памяти пережитой беды.

Лоб. И на лбу отпечаток страха, заковавшего в свои морщинистые оковы её борьбу с безденежьем и вечным противостоянием с властной, деспотичной матерью.

– Мария, – мысленно проговорила Ольга, называя именем матери кривую короткую морщину, залёгшую на переносице.

Она так часто хмурилась, когда выслушивала от матери бесконечные претензии к себе, что запечатлела свой протест на лице. Ей всегда казалось несправедливым, что собственная мать обвиняла её во всех неудачах, словно забывая, что подсудимая – родная дочь. Но в то же время, вынося жёсткий вердикт, именно мама взваливала на свои плечи всю тяжесть её наказания.

Одновременно боясь и уважая свою мать, Ольга предпочитала держаться от неё подальше, чтобы не провоцировать ссоры. Такая тактика с годами привела к тому, что между женщинами одной семьи пролёг глубокий овраг, такой же глубокий, как морщина на переносице Ольги. По одну сторону этого оврага жила одинокая, но очень гордая пожилая женщина, украдкой следящая за своей непутёвой дочерью, живущей по другую его сторону. Каждая из них втайне мечтала однажды построить мост, но ни у той, ни у другой не хватало духа.

Но самая памятная и ноющая морщина находилась над всеми, рассекая лоб пополам. Она казалась ей самой уродливой из-за очень давней и тяготеющей истории, которая стала причиной её возникновения. У морщины тоже было имя, но даже шёпотом она страшилась его произнести. Ольга перевела взгляд с зеркала на стену, где висела репродукция с корявым деревцем, поросшим мхом. В этот момент ей показалось, что она сама очень похожа на это жалкое деревце – такая же поломанная и неприглядная.

Она усмехнулась, вспомнив, как близкая подруга Оксана однажды назвала её поздней розой, зацветшей перед самыми заморозками. Ей эта аллегория показалась странной и неправдоподобной, себя она не ассоциировала ни с чем красивым, и сравнение с корявым деревом ей

казалось более уместным. И сейчас, глядя в зеркало, она видела уставшую пятидесятилетнюю женщину с морщинистым лицом и потухшим взглядом.

– Не жалеть себя! Не принимать себя слабой и беззащитной! – уже вслух чётко произнесла Ольга, раскладывая на столике перед зеркалом содержимое своей косметички.

– Я сильная! Я красивая! Я лучшая! Я должна это сделать! – продолжая произносить странную мантру, она принялась красить брови.

– Я должна сегодня это сделать! – решительно повторённая последняя фраза, словно закончила её сеанс самоубеждения.

Последние две недели её терзали сомнения, она никак не могла решиться на то, что приняла как решение для необходимых перемен.

Это решение пришло к ней неожиданно и стало, как ей казалось, логичным звеном в цепи стремительно развивающихся событий.

Вдруг зазвонил телефон. На дисплее появилось имя «Оксана». Ольга взяла трубку и услышала голос подруги:

– Оля, я приехала и жду тебя в машине.

– Всё, всё, я уже выбегаю, – торопливо произнесла Ольга и, на ходу брызгая на себя духи, поторопилась к выходу.

Закрывая двери квартиры, она глубоко вздохнула, и, пожалуй, именно этот вздох поставил точку на всех её сомнениях. С этого момента больше не было колебаний. Внезапно появившаяся приятная лёгкость убедила в том, что принятое решение – правильное.

– Ты точно готова, дорогая моя? Сегодня у тебя очень важный день. Нас ждут большие перемены. По крайней мере, твою грудь – точно.

Таковыми словами встретила её Оксана, как только она села в машину. В её словах угадывались одновременно и решительность, и юмор.

– Если я взяла отгул, если я сдала все анализы и если я у тебя в машине в 8 часов утра на переднем сидении, то я точно готова, не сомневайся, – с улыбкой отрапортовала Ольга.

– Честно скажу, зная все твои страхи и неуверенность в себе, я всё же думала, что ты не соберёшься. Пристегнись, кстати! Мы с тобой всё-таки хорошие девочки и не нарушаем правил, – последние слова Оксана сказала с иронией, словно провоцируя подругу.

Машина тронулась с места и тут же очутилась в густом облаке аромата сирени, заросли которой окружали дом. Сквозь открытое стекло этот аромат мгновенно заполнил салон машины, и Оксана замерла, стараясь сделать глубокий вдох. Это мгновение она приняла за добрый знак, вспомнив, что всё самое хорошее в её жизни происходило тогда, когда цвела сирень.

– Ты когда-то думала, что я и «Тиндер» себе не заведу, и на свидания не буду ходить. А я-то как раз наоборот – сделала всё это вопреки своим правилам, нарушив их все, – с точно такой же иронией ответила Оля, закрывая окно.

– Да, только чего мне это стоило, ты не забыла? Я же буквально преследовала тебя, пока ты не разрешила мне открыть тебе аккаунт. И на первое свидание я тебя силой вытолкнула. Если бы не я, не видать бы тебе красавца Алексея, влюблённого в тебя, кстати, по уши.

– И я тебе за это очень благодарна. Я бы и дальше сидела в своей темноте, если бы не твой лучик света, Оксаночка! – Оля с любовью в глазах посмотрела на свою подругу и нежно погладила ту по руке. – И за Алексея тебе огромное спасибо.

Оля вспомнила, как сначала долго сопротивлялась Оксане, но потом всё же отправилась на первое свидание и встретила чудесного Алексея. И у неё, и у него это был первый опыт общения на сайте знакомств, и они оба отчаянно волновались. Алексей оказался вдовцом, только-только справившимся с утратой. То ли перенесённые страдания, то ли долгое одиночество, но между Ольгой и Алексеем случилось взаимное притяжение, длящееся уже три месяца. А ещё Алексей был очень красивым мужчиной.

– Я не хотела тебе это говорить сейчас, но всё-таки скажу. Алексей вчера признался, что любит меня, сделал предложение и сегодня ждёт от меня ответа.

– Вот это новость, Оля! У меня шок! Три месяца – и он зовёт тебя замуж! Фантастика! Я правильно понимаю, что ты ответишь ему сегодня «Да»?

– Он пригласил меня сегодня на свидание, на котором я должна дать ему ответ. И я собираюсь сказать... – Ольга специально потянула паузу и тихо произнесла: – Да.

– Ура!!! Господи, как я счастлива, Ольга! Это потрясающая новость! До слёз, Оля! Я так счастлива! – Оксана буквально завизжала от радости.

– Но я согласна с тобой, мы хорошие девочки, пусть и нарушающие иногда правила, – резюмировала спокойным голосом Оля, пристёгиваясь ремнём безопасности.

Они были очень разные. Стремительная, уверенная в себе, красивая, предприимчивая, успешная, привыкшая побеждать Оксана. И она – тихая, кроткая, уступчивая, терпеливая, довольствующаяся вторыми ролями и тем, что имела. Возможно, они никогда не были бы близки, если бы не их общее прошлое, когда-то навек сшившее стежками судьбы сначала двух юных девчонок, а позже – и взрослых женщин.

Их частенько принимали за сестёр, несмотря на то, что внешне они были совершенно непохожи: кареглазая брюнетка Оксана и голубоглазая блондинка Ольга. Но долгие годы дружбы, которая началась с самого раннего детства, действительно оставили общий отпечаток – вместе они были очень созвучны, и между ними царил полная гармония. Они действительно были как сёстры. «Нас аист вместе нёс, но по дороге передумал и отдал разным родителям», – частенько шутила Оксана. В её шутке была доля правды, ведь они родились в один день, а семьи, в которых они появились, жили в одном подъезде. Ничего не было странным в том, что они сначала оказались в одной группе детского сада, а затем – в одном классе школы.

Ирония в том, что они одновременно вышли замуж в девятнадцать лет за двух закадычных друзей и почти одновременно родили сыновей. Они даже сыновей назвали в честь мужей друг друга: сын Оксаны стал носить имя мужа Ольги – Сергея, а сын Ольги получил имя Михаил. В этот момент их дружба подверглась первому взрослому испытанию: когда в момент родов у Оксаны умерла мама и у неё навсегда исчезло молоко, Ольга не раздумывая стала кормилицей для её сына. Да, она выкормила своим молоком двух мальчишек. Сыновья Ольги и Оксаны стали молочными братьями, а молодые матери – навсегда самыми близкими людьми друг для друга.

– Итак, дорогая моя, я рассказываю тебе, как будет сегодня выглядеть твой самый счастливый день в жизни, в который на прошлом поставится жирный крест, а будущее станет безоблачным и счастливым, – придав своему голосу театральную начальственную строгость, заговорила Оксана, сопровождая каждое сказанное слово жестикующей правой руки.

– За дорогой следи и руль держи обеими руками. Подругу всё-таки везёшь, а не дрова. Ещё я хочу напомнить тебе, что ты везёшь меня к хирургу, который сделает мне новые сиськи, а не в ЗАГС, – имитируя манеру разговора подруги, перебила её Ольга.

– А это, между прочим, два взаимосвязанных действия: сначала ты делаешь сиськи, а потом отправляешься с ними в ЗАГС. Сиськи – ЗАГС, что здесь непонятного? – парировала Оксана. – Я, между прочим, везу тебя к самому лучшему хирургу, который дарит нам, женщинам, второй шанс почувствовать себя молодой и радостной. Если бы не его скальпель, возможно, у меня бы не было любящего Валеры и счастливой семьи. Нет, я точно уверена – не было бы! Это даже аксиома. Миллион раз спасибо хирургу за эти буфера, – Оксана, держа одной рукой руль, другой дотронулась до груди, словно иллюстрируя этим свои слова.

– Да нет же, Оксана, дело не в твоей груди. Валера влюбился именно в тебя – такую яркую, красивую, невероятную. Я же по сравнению с тобой никчёмная серая мышь, надеющаяся стать чуть заметнее, пришив к своему телу не полагающиеся ей красивые груди.

– Что? – вскрикнула Оксана. – Смотри, что я сейчас буду делать, чтобы ты наконец услышала то, что я тебе говорю всю твою жизнь!

С этими словами Оксана, ждущая зелёный знак светофора, при смене красного неожиданно выключила двигатель, став преградой для тронувшихся автомобилей. Со всех сторон стали раздаваться сигналы.

– Господи, Оксана, что ты собираешься делать? – испугалась Оля, увидев, как её подруга образовала пробку на светофоре.

– Я собираюсь быть услышанной тобой, дорогуша! Психологи говорят, что слова, сказанные в стрессовых ситуациях, запоминаются сразу и навсегда. Я сейчас создала такую стрессовую ситуацию. А теперь слушай меня, – Оля вжалась в кресло. – Никакая ты не серая мышь! Забудь это! Ты от меня не отличаешься ничем. Ты даже лучше меня во всём. Твой ангельский свет сияет изнутри, и любой зрячий видит это. Ты ослепительно красива своей чистотой и первозданностью. Ты не знаешь об этом, а я и все вокруг – знают. Но нельзя быть такой покорной. Нельзя не предъявлять к себе претензий. Нельзя мириться с тем, что приземляет тебя и заставляет безропотно нести груз за спиной. Да, я с тобой согласна, дело вовсе не в новых и красивых сиськах. Множество баб с прекрасными дойками так и остаются одинокими, не найдя на них загаданного ими принца. Да потому что они только и умеют загадывать принцев и ждать чуда. Да, мужик обращает внимание на то, что у тебя ниже шеи, но своё сердце он отдаёт вовсе не тому, что свисает с груди, а тому, что спрятано внутри её. Большинство из нас ложится под нож пластического хирурга только для того, чтобы просто приобрести уверенность в себе. Нет ничего более воодушевляющего и жизнеутверждающего, чем своё нравящееся отражение в зеркале. Ведь мы – девочки! Оно мотивирует, поднимает самооценку, вызывает гордость за себя, делает сильной и самодостаточной. В такую женщину влюбляется мужчина, а не в просто носительницу больших грудей. Иногда, Оленька, чтобы изменить свою жизнь к лучшему, нужно идти наперекор всем и поступать вопреки всему. Нужно встать, когда другие сидят, закричать, когда другие молчат, и даже остановиться на зелёный свет светофора, когда все поехали вперёд. Скажи, хоть сейчас-то ты меня услышала?

– Да, – коротко ответила ошарашенная Ольга.

– Отлично, тогда сеанс психотерапии окончен, и мы можем ехать дальше, – засмеялась Оксана, завела двигатель и тронулась с места.

– Но в нас могли въехать и разбить машину, – неожиданно произнесла Ольга, продолжая переживать состояние шока.

– Нет, не могли. Я предусмотрительно включила «аварийку», и моя машина застрахована от всего. Твоя подруга, хоть и рискованная, но всё же очень мудрая баба, знающая, что порой для достижения цели необходимо использовать самые неожиданные средства. И при этом я научилась сохранять осторожность. Ведь я сейчас достигла своей цели? – Оксана вопросительно посмотрела на Ольгу.

– Да, достигла. Я услышала тебя, хоть и через страх. Всё я поняла: и про счастье с новой грудью, и про новую жизнь, и про веру в себя, и про то, что я не такая уж страшная и безнадежная. Согласна я уже на всё, дорогая моя. Ты же знаешь меня – я долго запрягаю, но быстро еду, так что мне больше не нужны аргументы. Готова окончательно и бесповоротно. Можешь больше не устраивать пробки на дороге ради меня.

Убедившись в решительности подруги, Оксана удовлетворённо продолжила:

– Тогда только по существу. Нашего с тобой хирурга зовут Аркадий. Как я и говорила, он гений. Первым делом мы с тобой идём к нему. Он, разумеется, нас ждёт. Разговариваем с ним, а потом он посылает тебя в соседний кабинет делать УЗИ груди. Я на этом этапе сваливаю по делам (всё же я бизнесвумен), а ты продолжаешь общаться с Аркадием, назначая дату операции. Все понятно?

– Более чем. Я всё сделаю как надо, не переживай за меня, – уже по-деловому проговорила Ольга.

– Ну и чудненько, – резюмировала Оксана, заворачивая на парковку клиники.

Роскошный холл клиники, в который вошли подруги, поразил Олю. Завидев Оксану, улыбочивые и внимательные сотрудницы в белых халатах залебезили перед ней, наперебой предлагая кофе и интересуясь её делами и самочувствием.

– А что мне будет! Я как статуя Свободы, всегда на виду – с красивой грудью и с гордой осанкой, – громогласно заявила Оксана. – Привела вот вам новую пациентку, желающую составить мне компанию в мире красоты и успеха. Мы к Аркадию Васильевичу.

– Да, конечно, он уже ждёт вас, – засуетилась девушка-администратор и тут же пригласила следовать за собой.

Подруги пошли по коридору, стены которого были увешаны репродукциями с улыбающимися женщинами, имеющими восхитительные формы.

«Неужели я буду такой же?» – с завистью подумала Оля.

Процессия дошла до кабинета, на котором висела табличка: «Аркадий Васильевич. Пластический хирург. Главный врач». Оксана уверенно постучала в дверь и тут же открыла её:

– Аркадий, это мы.

В то же мгновение из кабинета донеслось добродушное приветствие:

– Добрый день, Оксана, я вас жду, проходите.

Оксана обернулась к Оле:

– Оленька, заходи.

Ольгой внезапно овладела робость, и она, сжавшись в комок, с большим усилием преодолела порог кабинета, тут же встретившись взглядом с мужчиной в белом халате.

– Не стесняйтесь меня и нашего заведения. Чувствуйте себя, как в Старбаксе. А женские груди на картинках – это всего лишь маркетинговый ход для привлечения мужчин, не обращайтесь на них внимания, – словно почувствовав стеснение новой пациентки, проговорил доктор, произнося явно не раз используемое добродушное и смешное приветствие.

Тем не менее, Ольгу приободрил показной юмор доктора, и она улыбнулась в ответ.

– Красивую грудь можно просто сделать, а вот красивую улыбку нужно заслужить. Садитесь в это удобное кресло и продолжайте улыбаться, – указывая рукой на кресло, снова пошутил мужчина.

– Вот ничего себе, Аркадий! Вы этот арсенал не использовали, когда я к вам впервые пришла, – засмеялась Оксана, услышав весёлое вступление доктора.

– Да, в случае с вами, дорогая Оксана, я использовал выдержанную строгость и отменную конкретику. С каждой гостьей у нас свой язык: с кошечками мы мяукаем...

– ...А с собаками гавкаем? – неожиданно перебила доктора Оксана, заливаясь смехом.

– А с грациозными ланями разговариваем сдержанно, стараясь не спугнуть. Вдруг они ускачут в соседнюю клинику, – нисколько не смутившись, абсолютно театрально продекламировал Аркадий, при этом жестикулируя руками.

Ольге с первого взгляда понравился доктор. Его изысканная манера речи сочеталась с внешностью – высокий, подтянутый, ухоженный брюнет с голубыми глазами примерно пятидесяти пяти лет. Красивый и породистый мужик. Обычно она стеснялась таких мужчин, испытывая комплексы по поводу своей внешности, считая её недостойной. Так случилось и с Алексеем, когда они встретились впервые. Первое время их общения было для неё мучительным, несмотря на то, что он всячески показывал ей свою симпатию. Ольге никак не верилось, что такой яркий, харизматичный, успешный мужчина, каким был Алексей, может увлечься серой мышью, какой она считала себя. Даже их интимная близость, наполненная страстью и гармонией, не убедила её – она каждый день ждала, что Алексей потеряет к ней интерес. В общем-то, именно связь с ним заставила заняться переменами в своей внешности: пойти в спортзал,

к косметологу, а сейчас и к пластическому хирургу. Ольге очень хотелось соответствовать мужчине, который так нравился ей.

– Итак, прекрасные сеньориты, я готов вас внимательно выслушать, хотя суть вашего дела мне хорошо известна. Дело в том, что в этот кабинет входит только одна женщина, которой не нужно то, зачем приходят все остальные. И она работает у нас уборщицей. Так что давайте поговорим о главном, – по-дружески и снова с юмором предложил Аркадий.

Первой отозвалась Оксана:

– Аркадий, это моя самая близкая и любимая подруга Ольга, и я бы очень хотела сделать её красивой и счастливой.

– А она-то сама хочет? – тут же ответил доктор, обращаясь на этот раз прямо к Ольге: – Кстати, приятно с вами познакомиться, Ольга.

– Мне тоже очень приятно познакомиться с вами, Аркадий, – Оля привстала с кресла, на котором сидела. – Я прислушалась к совету Оксаны и вот – пришла к вам.

Лицо Аркадия неожиданно стало озабоченным, словно он услышал что-то, что заставило его призадуматься.

– Оля, к нам приходят, прислушавшись к чьему-то совету, это так, но всё же с собственным твёрдым и непоколебимым решением. Это очень важно. Мы не мезотерапией занимаемся, а людей под нож кладём ради красоты. Вы уверены в том, что хотите сделать?

Теперь уже и на лице Оли появилось замешательство. Она никак не ожидала, что разговор так резко меняет тональность. Замерев на пару секунд, словно раздумывая над ответом, она заговорила уверенным голосом:

– Аркадий, можете не сомневаться в моём решении, оно далось мне очень нелегко. Вы уже поняли, что я очень непохожа на свою подругу. Если она принимает решения быстро, то я вынашиваю их долгое время в голове и в сердце, колеблюсь, взвешиваю по сто раз. Но если я что-то решила, то уже не отступаю назад и несу полную ответственность. Да, я пришла к вам исключительно потому, что хочу в себе серьёзных перемен! – Оля снова замолчала на секунду, посмотрела на Оксану, будто бы ища у неё поддержки, и продолжила: – Мне повезло, у меня есть сильный пример в лице моей подруги, и она меня сильно мотивирует. Но всё же я самостоятельна в своём решении произвести в своей внешности такие кардинальные перемены. Знаете, я бы могла сейчас перечислить целый список причин, побудивших прийти в вашу клинику, но я назову только одну, самую главную: я получила недавно право на любовь спустя долгие годы ожидания, и ни за что его не упущу...

На несколько секунд в кабинете воцарилась полная тишина. Искренность и решительный тон Ольги тронули и Аркадия, и Оксану, вставшую со своего стула и подошедшую вплотную к сидящей подруге.

– Оленька, девочка моя, ты самая лучшая и настоящая на свете. Я тебя так люблю, солнышко моё! Так люблю... – Оксана гладила Ольгу по плечу и улыбалась.

– Пожалуй, так быстро никому ещё не удавалось пройти мой тест, – заметил с улыбкой Аркадий. – Так что поздравляю вас, Ольга. Ваша решительность оценена по достоинству, мы можем переходить к следующему этапу.

Ольга вопросительно посмотрела на доктора.

– На этом этапе нам нужно сделать УЗИ груди. Это исследование вы сделаете в соседнем кабинете, а я вас подожду, – пояснил доктор.

– Хорошо. Тогда мы можем идти? – поинтересовалась Ольга.

– Да, конечно, я сейчас позвоню врачу. Вы просто присядьте у кабинета и подождите, пока вас позвонят.

Ольга с Оксаной вышли из кабинета Аркадия и направились к кабинету УЗИ. У Оксаны зазвонил телефон, и она сразу же засуетилась:

– Так, дорогая моя, я тебя оставляю одну. Мне пора на работу, телефон уже оборвали. Так что, как закончишь все дела здесь, тут же мне звони, поняла? И помни, я очень, очень тебя люблю! – сказав это, Оксана обняла подругу и тут же по-деловому ответила на звонок, спешно направляясь к выходу: – Да, Александр Михайлович, все документы уже у юриста, я скоро буду...

– Беги, Оксаночка, – проговорила ей вслед Ольга, замечая, что та уже не слышит её слов.

Ольга села около кабинета и задумчиво проводила взглядом удаляющуюся по коридору подругу. Она вдруг вспомнила далёкое прошлое, в котором, несмотря на их непохожесть, у них всё было общее и на двоих. Единственное, что их не сближало тогда, – это профессия. Ольга получила консерваторское образование и играла на струнных инструментах в оркестре, Оксана же стала юристом. Мужья подруг работали вместе, занимаясь торговым бизнесом. Муж Оксаны Михаил был главным, а муж Ольги Сергей – его помощником. Вместе они создали процветающее дело, позволяющее двум молодым семьям жить очень хорошо.

Но через пять лет, в лихие девяностые, в семье Оксаны случилась трагедия: джип, в котором они с Мишей возвращались домой, был обстрелян, и в живых осталась только Оксана, а Миша погиб. Израненная Оксана еле выкарабкалась. К тому времени Оля готовилась произвести на свет второго сына, Алёшу, и ей снова пришлось стать ангелом-хранителем для семьи своей подруги. Но вдвоём они справились и с этим испытанием. Оксана нашла в себе силы и спустя некоторое время уже была успешной бизнесвумен, основав своё собственное дело. В своей новой жизни она встретила Валеру, который предложил ей руку и сердце, и в её жизни настал Ренессанс.

В жизни Ольги, напротив, появилась непреодолимая полоса препятствий. Её муж Сергей не смог справиться с потерей друга и партнёра и запил. В пьяном угаре он всё чаще и чаще поднимал на Ольгу руку, порой избивая её до полусмерти. Ольга, как могла, скрывала побои, но не исчезающие с лица синяки не могли не привлечь внимания Оксаны, бросавшейся на защиту своей подруги. Она разговаривала с Сергеем, уговаривала, угрожала.

Пришла и ещё одна страшная беда – у младшего сына Алёши диагностировали рак крови, и Ольга вместе с Оксаной вступили в битву за его жизнь. Несколько ужасных лет – и они проиграли... Поседевшая от горя Ольга похоронила сына и поставила окончательную точку в отношениях с Сергеем.

Оставшись с сыном Михаилом одна, Оля забыла на долгие годы про личную жизнь, с головой погрузившись в работу. Сколько бы Оксана ни умоляла подругу обратить на себя внимание и впустить в свою жизнь другого мужчину, та наотрез отказывалась даже думать об этом. Она стеснялась себя и была уверена, что больше никто и никогда не посмотрит в её сторону. Но три года назад случилось неожиданное – за ней стал ухаживать режиссёр театра, в котором часто выступал её оркестр. Возможно, она никогда бы не обратила внимания на внешне довольно невзрачного полноватого мужчину пятидесяти лет, но сердце и душа одинокой женщины настолько истосковались по любому мужскому вниманию, что написанный в её честь милый стишок, однажды подаренный режиссёром, мгновенно пробудил в ней спящие чувства, и она вновь почувствовала себя женщиной...

Не имея опыта отношений с другими мужчинами, кроме мужа, Ольга не смогла разглядеть за красивыми манерами эгоистичного и капризного человека, не способного создать союз на принципах равноправия. В конце концов эти отношения исчерпали себя, и однажды Оксана услышала в трубке: «Я больше так не могу. Я устала. Наверное, я какая-то не такая, раз мне так не везёт с мужчинами». Услышав эти слова подруги, Оксана, которой категорически не нравился режиссёр, поняла, что настало время решительных действий, и взяла всё в свои руки.

Настояв на том, чтобы Ольга поставила точку на бесперспективных отношениях, Оксана принялась убеждать:

– Я тебя умоляю, Оленька, доверься мне. Никто не знает тебя так, как знаю я, и никто тебе не поможет так, как помогу я.

Оксана, преисполненная желанием изменить жизнь подруги к лучшему, использовала весь арсенал убеждений:

– Послушай, дорогая моя, вся твоя проблема в том, что ты продолжаешь тащить на себе весь груз пережитого. Пойми, это непосильная ноша, и она тянет к земле, с ней невозможно идти вперёд, в будущее. Оставь всё в прошлом, и ты увидишь, как всё изменится к лучшему. Если бы я так когда-то не поступила, то не была бы счастлива сейчас. Посмотри на меня, разве я не пример тебе? Алёшенька ушёл, его уже не вернуть. И Сергея больше нет, он тоже в далёком прошлом. Всё плохое – в прошлом. Сейчас у тебя должно быть свободное место для чего-то нового и очень хорошего, а ты его завалила древними руинами и живёшь как хранитель в музее своей истории. Никто не любит нафталин. Знаешь, что я себе сказала, когда не стало Миши и моей прекрасной жизни? Я сказала себе: «Не жалеть себя! Не принимать себя слабой и незащищённой!» Я не переставала говорить себе: «Я сильная! Я красивая! Я лучшая!» Между прочим, когда говоришь себе такие слова многократно, они становятся магическими, приобретают сокрушительную силу. Так случилось и со мной – наслушавшись саму себя, я вытащила себя за волосы, как Мюнхгаузен. Оля, ты не такая слабая, как думаешь, и вся твоя жизнь – пример силы, а не слабости. Мы обе справились с обстоятельствами непреодолимой силы. Просто у меня оказалось больше веры в себя, чем у тебя; или ты её всю отдала мне в те тяжёлые годы. Я теперь готова поделиться ею с тобой. Я просто обязана это сделать для тебя, потому что очень люблю тебя.

Удивительно, но на этот раз убеждения возымели своё действие. И спустя небольшое время Оля по настоянию Оксаны перешагнула пороги фитнес-клуба и салона красоты.

– Дорогая моя, главное – сперва почувствовать себя снова женщиной и вернуть себе уверенность!

Эти слова превратились в магическое заклинание, благодаря которому Ольга неотступно шла к заданной цели и однажды ощутила перемены, которые ей очень понравились.

Вдруг её размышления прервал вопрос, донёсшийся из открывшихся дверей кабинета:

– Ольга?

– Да, это я, – спохватилась Ольга, заметив в дверях женщину в белом халате.

– Проходите в кабинет, – официальным голосом объявила женщина и тут же скрылась в недрах кабинета.

Ольгу несколько смутила манера обращения доктора к ней: как-то уж слишком отстранённо и даже холодно, в контрасте с тем, как другие сотрудники клиники вели себя по отношению к ней ранее.

«Неважно. Это всего лишь УЗИ», – подумала она и зашла внутрь помещения, в центре которого стоял стол, с правой стороны у стены – кушетка с укрывавшей её ширмой, а с левой – шкаф и раковина.

– Раздевайтесь по пояс, ложитесь на кушетку, на спину и запрокиньте руки назад, – всё тем же официальным тоном произнесла врач заученную фразу, при этом стуча пальцами по клавиатуре компьютера и не поворачивая головы в сторону своей пациентки.

Ольга молча повиновалась и легла на кушетку в ожидании доктора. Ей было непривычно и неприятно всё в этом кабинете.

– Ну что же, давайте начнём, – произнесла доктор, встав из-за стола и подойдя к кушетке, возле которой стоял стул и исследовательский аппарат с монитором.

Женщина села на стул, достала тюбик и выдавила из него на оголённую грудь Ольги гель, после чего стала водить по молочным железам сканером, то и дело, надавливая на него, что вызывало неприятные ощущения. Исследовав быстро правую грудь, доктор приступила к исследованию левой, при этом сохраняя полное молчание. В какой-то момент Оля почув-

ствовала что-то неладное, ощутив, что исследование левой груди занимает куда больше времени, и манипуляции сканером были более тщательными.

– Скажите, а вас ничего не беспокоит? – нарушила молчание врач, в очередной раз надавливая сканером на грудь.

– Что вы имеете в виду? – переспросила Ольга, начиная волноваться.

– Нет ли у вас болей в области молочных желёз? Не прощупывали сами затвердений? Может, общее состояние неважное? – пояснила доктор.

– Нет, я прекрасно себя чувствую. Ничего такого я не ощущала...

Оля поняла, что врач что-то увидела на мониторе нехорошее и пытается рассмотреть подробнее.

– Что-то не так? – взволнованным голосом произнесла Ольга.

– Да, у вас есть довольно серьёзные изменения в левой груди. Странно, что вы ничего не ощущаете. Я вижу большие узлы в железе. Нужно обязательно брать пункцию и делать гистологию. Я сейчас напишу подробное описание, вы его покажете своему доктору, и он скажет вам, что делать дальше.

Ольга похолодела. От предчувствия беды у неё перехватило дыхание, а сердце бешено забилося.

– Вы имеете в виду, что это может быть рак?

Испуганный голос Ольги, полный отчаяния, возымел действие на врача, и она поменяла свой строгий тон на участливый:

– Оля, я вас не буду обманывать. Действительно, такое тоже возможно. Но всё же диагноз ставят не на основании ультразвукового исследования, а на основании гистологии. В лаборатории исследуют клетки из этих узлов, и станет ясно. Не стоит раньше времени паниковать. Просто сделайте пункцию и дождитесь результатов. Вы пока посидите в коридоре, а я сделаю для доктора описание. Хорошо?

– Хорошо, – еле слышно прошептала Ольга и вышла из кабинета.

Она не чувствовала ног, не видела куда шла. Сделав несколько шагов по коридору, просто опустилась на стул и замерла. Застрявшая в голове фраза: «Вы имеете в виду, что у меня может быть рак?» – прокручивалась бесконечное число раз, пока не растеряла все слова, кроме одного: «Рак».

«Рак, рак, рак...» – монотонность повтора этого слова сковала сознание, отстранив его от всего мира, отчего она потеряла счёт времени и не заметила, как в её руках оказалось описание. Мозг попросту не зафиксировал момент, когда и как женщина вынесла ей бумажку. Повинуясь какому-то внутреннему приказу, потрясённая Ольга, осознав, что у неё в руках описание, направилась к кабинету Аркадия.

Через минуту она, словно сомнамбула, сидела перед хирургом, попустив в памяти момент, как зашла к нему. Возможно, Аркадий точно так же шутил, увидев её, но сейчас она видела его напряжённое лицо – он читал описание УЗИ.

Молчание.

– Ольга, слушайте... Ну, неожиданно всё это, конечно. Даже странно. Вы не испытывали ухудшения состояния, болей в области молочных желёз? – задал ей Аркадий точно такой же вопрос.

– Нет, – совсем тихим голосом ответила Ольга.

Аркадий задумался, словно подбирая слова. От его юмора и былой лёгкости не осталось и следа. Потом он тяжело вздохнул и, растягивая каждое слово, произнёс:

– Ну пока ничего страшного не произошло. Всё-таки спрошу: у ваших ближайших родственников не было онкологических заболеваний?

Оля помедлила и так же едва слышно произнесла:

– У моего младшего сына был рак крови.

– Несмотря на всё это, – мужчина ладошкой провёл по описанию, – всё же нужны более точные анализы...

Оля отчётливо слышала каждое слово врача, но не могла в ответ произнести даже звука. Осознав состояние Ольги, Аркадий тут же поменял тон, сделав его более уверенным:

– Оля, только, пожалуйста, не переживайте. Через такое проходит множество женщин. Мне уж можете поверить. Далеко не всегда речь идёт о чём-то плохом. Я сейчас выпишу вам направление на пункцию. Мы возьмём у вас клетки из новообразования и уже завтра будем знать, что делать. Даст Бог, всё будет хорошо.

Прощание с Аркадием, как и саму пункцию, сознание Ольги притушило до едва уловимых штрихов, позволяющих выполнять все последующие действия механически, не реагируя эмоционально.

Как только Ольга покинула клинику и оказалась на улице, к ней пришло осознание того, что произошло. Шок сменился на растерянность и страх. Двери клиники разделили для неё мир на «до» и «после». Ещё пару часов назад она входила в них, преисполненная надеждой и предвкушением счастливых перемен, сейчас же, выходя из них, она боялась отпустить ручку. Ей казалось, что, как только за ней закроются двери, окончательно порвётся связь с недавним прошлым, в котором не было того, что сейчас раздирало в клочья. Но двери неизбежно затворились, оставив её один на один с новой реальностью, и в ней не было ни единого укрытия или опоры. Ольга ощутила свою уязвимость и незащищённость. Эти чувства ей были знакомы. Когда-то она испытывала их, оказавшись лицом к лицу с постигшим её горем от страшной болезни младшего сына, а потом и его смерти. Тогда она про себя сравнила горе с бескрайним океаном, а человека, испытывающего его, – с утопающим, не имеющим никакой надежды в виде суши на горизонте или проходящего мимо корабля. Осознание своей слабости, незащищённости перед стихией и лишает человека надежды. А человек без надежды обречён – он исчезает в бушующей пучине горя бесследно.

Оказавшись на улице, Оля растерялась – она не знала, куда ей идти. Это было похоже на то, как если бы она очутилась в незнакомом городе. Всё вмиг стало неважно и бессмысленно. Повинуясь какому-то инстинкту, она медленно и бесцельно побрела по дороге, опустив голову. Окружающий мир утратил краски, запахи, звуки, кроме одного – стука собственных каблучков. Сфокусировавшись на его монотонности, Ольга погрузилась в своеобразное медитативное состояние, отстранившее её от счёта времени. Один шаг стал равняться громкому удару сердца и длине мыслей, опутавших собой всё вокруг. Сознание скользило по ним, как по меридианам – то удаляясь, то приближаясь к эпицентру перенесённого потрясения, переполненного всеми теми переживаниями, что лишили её покоя и равновесия. Эти волнообразные скачки сопровождалась сменой мыслей: уверенность в том, что у неё рак, уступала место сомнению и надежде на возможную ошибку, и наоборот. Но каждый раз в памяти всплывала реакция врачей: тревога, неуверенность, осторожность, и она всё больше склонялась к принятию худшего. Ей казалось, что они недоговаривали, стараясь облегчить удар, хотя знали правду наверняка.

«Они просто тянут время, – решила про себя Ольга. – Просто бояться сказать правду».

Настал момент, когда она окончательно распростилась с сомнениями, решив, что всё слишком очевидно и ей не стоит испытывать ложных надежд. Первая же мысль после этого была о том, что она не будет ввязываться в борьбу и уступит болезни. Это даже не мысль, а убеждение, возникшее из того ужасного прошлого, когда была проиграна борьба за жизнь сына. Это было настолько тяжело, что она ни за что сама не хотела бы пережить такое. Выигрывать время ценой невыносимых страданий она категорически не желала.

«Нет, нет, нет...» – в такт шагов стала мысленно повторять Ольга. Своеобразная мантра возымела действие, отогнав страх и растерянность. Вместе с этим к ней стала возвращаться ясность мыслей и способность ориентироваться. Оля впервые после того, как очутилась за пре-

делами клиники, смогла отвлечься от переживаемых чувств и осмотреться по сторонам. Она обнаружила себя стоящей возле зеркала, встроенного в витрину магазина с очками. Было что-то мистическое в том, что момент возвращения в осознанную реальность совпал с местом, где было зеркало, словно её собственное отражение протягивало руку помощи. Всё те же именные морщины на лице... Но на этот раз они говорили о другом. Каждая из них обращалась к ней с ультиматумом, заявляя свои права на случившееся: «Всё из-за меня. Если бы не я, этого бы не произошло».

Олю наполнила неприязнь к тому, что она увидела в отражении. Внутри зарождался протест: все эти морщинистые узлы, накопившие в себе её пережитое в прошлом горе, тревоги, неразрешённые проблемы, и сковавшие сетью лицо, – виновны!

Ей сейчас виделось, что рак стал просто логичным продолжением всего того, что она не смогла отпустить из своей жизни, а морщины печатью сохранили это на лице.

– Я ведь сама во всём виновата!

На мгновение Оля ощутила щемящее чувство жалости к себе и, одновременно, обиды. Но уже в следующее мгновение у неё появилось острое желание освободиться от накопившегося за годы груза переживаний, изуродовавших её лицо и убивающих сейчас её саму.

– У меня есть 24 часа, – почему-то решила Ольга. – Двадцать четыре часа на то, чтобы избавиться от всего и дать себе шанс.

Удивительно, но именно такой она увидела свою стратегию защиты. Двадцать четыре часа до момента, когда она услышит окончательный вердикт врачей. И ей хотелось встретить его свободной и готовой ко всему. Аллегория с морщинами, спрятавшими на лице неразрешённые проблемы, придала ей уверенности и решительности. Сейчас она точно знала, что нужно делать. Единственное, что она пока не знала, – с чего начать.

Оля в последний раз кинула взгляд на своё отражение и достала из сумки телефон, который так и оставался выключенным с тех пор, как она вошла в кабинет доктора. Несколько пропущенных звонков от сына, Оксаны и Алексея.

«Вот и начну с Миши», – решила Ольга, набирая номер сына.

– Привет, мама. Чего трубку не брала? Я тебя потерял.

– Здравствуй, Мишенька. Да я в спортзале была, телефон в раздевалке оставила, – соврала Ольга. – Я бы хотела с тобой поговорить. Хотела бы встретиться.

– Когда? – поинтересовался Миша.

– Если можно, то прямо сейчас.

– Мама, что-то случилось? – в трубке раздался встревоженный мужской голос.

– Нет-нет, всё хорошо. Но мне очень нужно с тобой встретиться. И ещё, я хотела бы познакомиться с твоим... – Оля запнулась, – ...с твоим другом.

– С Костей? – на этот раз в трубке раздался удивлённый голос.

– Да, – коротко ответила Ольга.

– Мама, ты меня пугаешь... Хорошо. Мы прямо сейчас можем к тебе подъехать. Где ты сейчас?

Оля посмотрела по сторонам и заметила поблизости кафе, в которое любила в детстве водить Мишу.

– Миша, я сейчас возле нашего с тобой кафе. Буду в нём тебя ждать, – проговорила Ольга, отметив про себя символизм случайно выбранного «неслучайного» места.

В детские годы сына она частенько приходила сюда с ним, чтобы поговорить о чём-то важном, волнующем. Здесь продавалось самое вкусное мороженое в городе – с тёртым шоколадом, и это было решающим аргументом в разговоре с маленьким Мишей, готовым уступить и принять позицию мамы ради любимого десерта. Но сегодня ей предстоял самый важный в жизни разговор с сыном, и на этот раз она готова была сама уступить и принять его позицию. Нет, она ни словом не обмолвится о раке. Она будет говорить о том, что уже несколько лет

тяготит её и заставляет мучиться. Мучиться самой и мучить сына, отдавая его от себя. Она должна во что бы то ни стало разрешить эту первую неразрешённую проблему. У неё 24 часа.

Оля вошла в кафе, села за столик и с огромным волнением стала ждать сына. Несколько раз её дыхание сбивалось от разогнавшегося пульса – это случалось в моменты, когда она пугалась мысли, что скоро покинет его навсегда. Судорога от этой мысли приносила острую боль и бешеное сердцебиение. Сын был единственным смыслом её жизни. Вместе они прошли через все страдания: побои мужа, смерть Алёши, безденежье. Благодаря успешной Оксане, взявшей на себя заботы о подрастающем Мише, он получил прекрасное образование вместе с сыном Оксаны Сергеем, ставшим для него молочным братом и самым близким другом на всю жизнь. Ольга сначала протестовала, видя, как подруга заботится о её сыне, ей было стыдно за то, что она сама не могла дать того, что давала Оксана. Но однажды услышала от неё важные слова: «Оленька, ты столько дала моему Серёже и мне, что то, что я делаю для твоего Миши, – это моя малая благодарность за всё. Это мой долг. Я его считаю своим сыном, как тебя считаю своей сестрой».

Оля видела, как вместе растут их сыновья, становясь неразлучными друзьями, и очень радовалась этому. Окончив институт, Миша с Серёжей получили приглашение Оксаны работать в её компании и последние годы преуспевали в ней на радость матерей. Связь между Ольгой и сыном была нерушима, пока три года назад она не подверглась неожиданному испытанию...

– Мама, привет! – вдруг раздалось откуда-то сзади.

Оля повернула голову и увидела сына с сопровождавшим его другом.

– Здравствуй, Мишенька, – тихо и с нежностью произнесла Оля и поцеловала склонившегося к ней сына.

– Ты сегодня собралась снова меня шантажировать мороженым, как в детстве? – засмеялся Миша, садясь за стол и указывая рукой на своего друга: – Познакомься, это Костя.

– Приятно познакомиться, Костя, – Оля привстала с места и протянула руку для приветствия другу сына.

– И мне очень приятно, Ольга Николаевна, – смущённо ответил Костя, почему-то покраснев.

Ощувив растерянность и смятение Кости, Оля решила разрядить обстановку:

– Костенька, – ласково начала она, притронувшись своей рукой к его руке, —называй меня просто Олей, я не привыкла звучать так официально со своим отчеством. Я ведь музыкант, скрипачка Ольга и в любом своём возрасте останусь ей. А если хочешь, можешь и мамой меня звать, – последнюю фразу она сказала нарочито с юмором.

Костя заулыбался. Ей нравился друг сына. Нравилось, что он был стеснительным, как и она сама. Нравился стыдливый румянец на лице. Он был голубоглазым блондином такого же роста и телосложения, как её кареглазый брюнет Миша. «Красивый мальчишка», – подумала про себя Ольга, оглядывая Костю.

– Мам, это чего сейчас было-то? – вдруг вмешался изумлённый поведением матери Миша. – То ты о нас ничего слышать не хотела, а сейчас к Косте в мамы набиваешься. Я чего-то не понимаю? Что случилось-то? Ну-ка, объяснись, пожалуйста.

Для кого-то, может, слова Миши и показались бы грубыми, но Ольга знала своего сына: прямолинейный, открытый, импульсивный, пробивной, но вместе с тем – очень добрый и искренний. Своим характером он был похож на Оксану, но никак не на свою мать: сказывалось её участие в его воспитании. Миша боготворил свою наречённую тётю и старался быть на неё похожим во всём. Ольгу этот факт очень радовал, несмотря на материнскую ревность.

– Я как раз поэтому и попросила вас встретиться со мной, – виноватым голосом произнесла Ольга. – Я хотела извиниться перед вами. Хотела попросить у вас прощения, – у Ольги перехватило дыхание, а на глазах выступили слезы.

Услышав эти слова матери и увидев, как заблестели её глаза, Миша окончательно растерялся:

– Мам, я ничего не понимаю. Ты меня пугаешь сейчас.

– Мне очень важно, чтобы вы оба знали: я горячо сожалею о том, что испугалась ваших отношений, потому что я полная дура.

Говоря это, Ольга вспомнила, как впервые услышала от сына: «Мама, мне нравятся мужчины, и у меня есть парень, с которым я встречаюсь уже несколько лет». Сказал он это как обычно, уверенно, не колеблясь. Это случилось три года назад и стало потрясением для Ольги. Сначала она попыталась убедить сына, что это какая-то ошибка и он скоро забудет о своём странном увлечении, а потом предложила вместе пойти к врачу, что вызвало у него озлобленность. С того момента он стал отдаляться, и это приносило ей едва переносимую боль. Она страдала от того, что рвалась связь с сыном.

– Мишенька, к моему стыду, я у тебя оказалась консервативной матерью. Думаю, всему причиной моя материнская любовь. Я посчитала, что ты будешь несчастен в той жизни, которую выбрал. От этой мысли я страдала каждый день все эти годы. Страдала ещё и от того, что ты стал отдаляться от меня, и я понимаю почему. Вместо того, чтобы принять тебя таким, каким я сама тебя родила, я скрылась за стеной своего невежества в надежде, что рано или поздно ты станешь таким, каким мне хотелось тебя видеть. Это мой эгоизм! Вместо того, чтобы дышать с тобою вместе и радоваться каждому дню, я предпочла быть сторонним наблюдателем. Жизнь так коротка, и я пожертвовала несколькими годами счастья с сыном. Поверить не могу, что я так поступила. Сейчас мне страшно больно от мысли, что я опоздала, и ты уже никогда не дашь мне шанса быть с тобою рядом. Я бы всё отдала, чтобы вернуть время назад и на твоё предложение приехать к вам с Костей на вашу годовщину ответить «Да». Я же ответила «Нет». Господи, какая я дура! – Оля не смогла справиться с чувствами и заплакала, закрывая глаза ладонями.

– Мама... – потрясённый монологом матери, только и смог произнести Миша, едва сдерживая слезы.

От его уверенности и самообладания не осталось и следа. Растерянный и взволнованный, он дрожащими руками осторожно дотронулся до локтя Ольги и сбивчиво заговорил:

– Мама, я даже и предположить не мог, что ты чувствовала. Это не ты эгоист! Это я эгоист, раз не смог ощутить твою боль. Ну почему ты вечно скрываешь свои чувства и закрываешься ото всех? Я ведь был уверен, что ты прокляла меня, что ты стесняешься меня. Я ведь просто не хотел делать тебе больно, поэтому и старался не раздражать тебя своей назойливостью. Мама, я испытывал точно такую же боль, что и ты, от нашего молчания. Мама... – Миша не выдержал и заплакал навзрыд.

– Ну вы даёте, – только и смог произнести наблюдавший за всем Костя. Ещё секунда, и он готов был сам разреветься.

В этот момент к столику подошла встревоженная официантка и участливо поинтересовалась:

– У вас всё хорошо? Может, кофе не понравился?

Первым отозвался Миша, вытирая с глаз слёзы:

– Да, всё ОК. Просто у нас сдох наш любимый хомяк, вот мы тут все и рыдаем. Очень чудесный был.

– Хомя-я-як... – выдавила из себя Ольга и засмеялась сквозь слёзы.

Засмеялись и Миша с Костей.

– Ну тогда царствие ему небесное, – неожиданно поддержала официантка и заулыбалась.

Оля на мгновение почувствовала себя счастливой. Способность сына превращать слёзы горя в слёзы счастья всегда поддерживала её. Вот и сейчас она ощущала особенную лёгкость и просветление. Всего лишь одной фразой сын смог освободить её от тяжёлого груза пережи-

ваний, который она носила в душе несколько лет. «Я это сделала! Я смогла!» – подумала Ольга, глядя на светящиеся лица сына и его друга. Словно и не было этого многолетнего отчуждения, а её сын снова с нею рядом.

Поговорив ещё какое время, Миша с Костей засобирались каждый по своим делам.

– Мама, помни всегда, я очень тебя люблю, – проговорил Миша, вставая из-за стола и обнимая свою маму.

– Я тебя тоже, сыночек, – ответила Ольга и нежно поцеловала его в щёку. – Вы идите, а я ещё тут посижу, приду в себя, – добавила она, провожая Мишу с Костей.

Попрощавшись, парни направились к выходу, а Ольга смотрела им вслед и испытывала целую бурю из давно забытых прекрасных чувств. Внезапно, у самого выхода из кафе парни остановились, что-то сказали друг другу и оглянулись, посмотрев с улыбкой на Ольгу. Миша остался у дверей, а Костя направился обратно к столу.

Подойдя ближе, Костя с волнением сообщил:

– Ольга, у нас с Мишей скоро снова годовщина, и мы бы хотели вас пригласить на неё. Если у вас будет время, то обязательно приходите, мы будем очень рады, – сказав это, друг Миши покраснел румянцем. Он продолжал стесняться её.

– Конечно же, я приду! – выпалила Ольга. – У меня есть время, у меня много времени. Огромное спасибо, Костя! Я обязательно приду.

Её спешные слова звучали как речитатив, и это было тоже от волнения, от радостного волнения.

Как только Миша с Костей вышли из кафе, Ольга тут же мысленно вернулась к только что сказанным ею словам про время, которого, как она считала, у неё всё же оставалось очень и очень мало.

Её пугала мысль, что через короткое время сыну придётся пережить её уход. Нет, не пугала собственная боль и смерть, пугала его боль от сострадания и жалости за её слабость и беспомощность. Оказаться смертельно больной на руках у страдающего сына – теперь это самый жуткий страх. Рано или поздно ей придётся признаться ему, и она знала, что умрёт для него и для всех именно в тот момент, когда сообщит о своей болезни, а не в день, когда остановится сердце.

Ольга хорошо помнила, как испытала страшный удар, узнав о том, что у её младшего сына рак. Разум помутился, а горе парализовало волю. Потом была изнуряющая борьба за жизнь, но место горя и едва выносимой боли заняли тревога, жалость, сострадание и отчаяние. Уход Алёши вызвал в душе облегчение. Была тупая и ноющая боль, и было облегчение от того, что страдания сына подошли к концу. Да, он умер для неё не тогда, когда он умер, а когда она узнала, что он умрёт. Даже сейчас, вспоминая те чувства, Ольга вздохнула, словно снова провожая со вздохом свои пережитые страдания и страдания Алёши. «Всё это уже было, – решила она про себя. – Нужно идти вперёд». После этой мысли в её руках снова появился телефон, на экране которого виднелись несколько новых пропущенных беззвучных звонков и сообщений от Оксаны и Алексея:

«Оля, ты где? Я тебя потеряла. Перезвони», – требовала Оксана.

«Оля, почему не берёшь трубку? Я волнуюсь», – вторил ей Алексей.

Удивительно, но впервые в жизни Ольга знала, что будет делать дальше. Её мозг отдавал чёткие команды, составив план действий на ближайшие 24 часа. Для неё, вечно неуверенной в себе и колеблющейся в решении любого вопроса, иметь такую решимость – словно овладеть новой и очень полезной способностью. Это приносило удовлетворение.

«Оксана, прости, дорогая моя. У меня всё отлично. Я пока очень занята. Как освобожусь, позвоню», – Ольга быстро написала первое сообщение и послала его подруге, тем самым отодвинув встречу с ней на поздний срок.

«Алексей, ты можешь заехать за мной в кафе? Я жду тебя». Второе сообщение для Алексея Ольге далось нелегко, оно приблизило её к драматическому моменту. Это и будет тем моментом, когда она впервые умрёт для самой себя.

Ольга точно знала, что скажет мужчине, к которому начинала испытывать давно утраченные чувства. Она могла бы сказать ему правду, но ей было больно от мысли, что её слова станут несправедливостью к нему: ведь он их уже слышал когда-то от своей жены, в конечном итоге умершей от рака. Но ещё большей несправедливостью будет заставлять его второй раз проходить через такое. Нет, она не могла позволить себе нанести ему такую рану, поэтому предпочла бы тихо отойти в сторону, спрятаться в укромном месте, как делают это умирающие дикие звери.

Ответные сообщения от Оксаны и Алексея пришли одновременно. Оксана сообщила, что будет ждать, а Алексей попросил отправить ему геолокацию и обещал заехать за ней в ближайшее время. Ольга выполнила просьбу Алексея и, помедлив несколько секунд, нашла номер телефона, на который собиралась сейчас позвонить. Каждый раз, когда она в разные годы хотела набрать этот номер раньше, ей редко хватало смелости и самообладания. И чаще всего звонки оказывались не совершёнными, оставляя между двумя очень близкими абонентами глубокую и непреодолимую пропасть. «Мария» – под таким именем значился этот человек в её списке номеров. «Всё же было бы уместнее „Мама“», – подумала Ольга, глядя на экран телефона. Но тут же оправдала свой выбор: «Мама» – в этом обращении есть что-то очень нежное, мягкое, раскрывающее всепоглощающую материнскую любовь женщины, готовой ради своего ребёнка отказаться от всего на свете. Но свою мать она воспринимает совершенно иначе. Сухое и даже жёсткое слово «Мария» для неё определяло суровый женский характер, подходящий строгой воспитательнице, не терпящей отступлений от правил – такой была мать Ольги. Две женщины, одна из которых была сильной, жёсткой, гордой, деспотичной, а другая – кроткой, неуверенной, уступчивой. Мать и дочь.

Ольга всегда чувствовала себя рядом с матерью словно в тени огромный глыбы, лишаящей её света и свободы.

«Ну почему у меня не родился сын?» – как-то в далёком прошлом обронила раздосадованная мать Ольги. В этом был ответ на все вопросы, связанные с отношениями матери и дочери. Действительно, жёсткий и непримиримый характер решительной женщины больше подходил для воспитания мальчишки, а никак не девчонки. Причиной этому было её прошлое – послевоенный детский дом.

Вместе с тем, испытывая на себе материнские завышенные требования, которым она не соответствовала, Ольга получала от жёсткой матери любую помощь. Во время болезни своего внука Алёши бабушка молча продала всё, что могла продать, ради его спасения. Ольга и не подозревала, что её мать продала свою квартиру. Находясь в страшном горе, она даже не спросила, откуда появились деньги на лечение.

В день похорон Алёши рыдающая Ольга, заметив безмолвие на лице матери, обвинила её: «Господи, ну почему ты такая всегда бесчувственная? Это же твой внук!». Это был момент, после которого их отношения почти сошли на нет, ограничившись редкими сообщениями и звонками.

Ольга делала робкие попытки сближения, но расстояние – они жили в разных городах – и традиционное непонимание между женщинами делали их безрезультатными. После того, как сама Ольга столкнулась с непониманием сына и, как следствие, потерей близости с ним, она отчётливо ощутила двойную боль – свою и своей гордой матери, живущей в одиночестве в другом городе. Для неё это стало тяжёлой ношей. Сейчас она точно знала, что должна делать, чтобы избавиться от неё.

Голос пожилой женщины появился не сразу, примерно с пятого гудка. Ольга представила, с каким трудом её постаревшая мать подошла к телефону. У неё были больные ноги.

– Здравствуй, Ольга.

Спокойный, но всё же утомлённый голос прозвучал уверенно и без каких-либо эмоций. Впрочем, как всегда.

Ольга раньше приветствовала в ответ так же сухо, обращаясь к матери на «вы» или по имени-отчеству: «Здравствуйте, мама», «Добрый день, Мария Григорьевна». Так уж было заведено между ними. Но сегодня она произнесла тихо и нежно: «Мамочка, здравствуй». В ответ – тишина. Спустя несколько секунд в трубке послышалось:

– Оля, что-то случилось? – на этот раз в голосе угадывалась эмоция, и это было волнение.

– Нет, что ты, мама, всё хорошо, – поторопилась сообщить Ольга всё таким же тихим и нежным голосом. – Просто я тебе кое-что должна сказать, чего не говорила никогда в жизни, и очень об этом жалею.

– Оля, ты меня пугаешь, – с ещё большим волнением ответила женщина.

– Мамочка, только ты меня не перебивай, прошу тебя. Я должна столько тебе сказать, что от волнения могу сбиться и замолчать, а ты потом будешь вытягивать из меня каждое слово, ты же меня знаешь, я ведь такая робкая неумеха у тебя. У меня сейчас кружится в голове целое облако из важных слов, и я боюсь, что они могут разлететься в разные стороны, оставив меня наедине с моими чувствами.

– Хорошо, я тебя внимательно слушаю и не буду перебивать.

Ольга глубоко вздохнула и продолжила:

– Мамочка, я тебя очень люблю – это первое. Ты должна это знать.

Сказав это, Ольга почувствовала, что ей придётся параллельно справляться с желанием заплакать. К горлу подступил комок, изменив интонацию в её голосе.

– Мне очень жаль, что я не говорила тебе такого раньше. Считается, что мы, женщины, с лёгкостью делимся друг с другом своими светлыми чувствами, но я, наверное, неправильная женщина, предпочитающая делиться с родной матерью только своими бедами и горестями. К сожалению, в моей жизни их было куда больше, чем счастья. Возможно, я всегда считала тебя слишком сильной и не нуждающейся в моих признаниях. Иногда мне, дура, казалось, что и я сама тебе не нужна со всеми моими вечными проблемами, и ты даже стесняешься такой слабой дочери. А твои попытки достучаться до меня я воспринимала как способ показать мне, какая я ничтожная. Мне было обидно, горько, стыдно за то, что я не стою такой великой матери, как ты. Ты несгибаемая и мощная, я же – хрупкая и уязвимая. Так мне казалось всегда, так я придумала для себя сама. Придумала, чтобы оправдать свою вторую роль. Именно поэтому я бежала от тебя, иногда в страхе, а иногда спасаясь от самой себя. Важное – от самой себя, но никак не от тебя! – Ольга не выдержала и зарыдала, давась словами: – Я заплакала, мама! Я разревелась как корова. И пусть. Мне не стыдно за мои слёзы. Сейчас это не слабость, потому что я точно знаю – я никогда не была слабой. Мои слёзы сейчас – это декларация моей независимости и одновременно протеста против глупых ошибок, которые я совершила за всю мою жизнь. Мама, я сильная! Я точно такая же несгибаемая и мощная, как моя великая мать! И я не на второй роли. Оказывается, я всегда делила с тобой первое место. И делила его по праву твоей дочери. Я была просто слепой. Господи, мне очень жаль, что я поняла это так поздно. Мама, я сильная! Мама, я достойна тебя! – Ольга замолчала.

– А что «во-вторых»? – неожиданно раздалось из трубки.

– Что «во-вторых»? – переспросила Ольга.

– Ты не сказала о чём-то втором, Оленька, – впервые за многие годы назвав имя дочери с нежностью, ответила Мария.

Ольга тут же вспомнила начало своего монолога и заулыбалась:

– А во вторых, мама, я очень тобой горжусь!

Воцарилась тишина. Не видя глаза матери, Ольга интуитивно понимала, что та испытывает в этот момент. Очевидно, что она была не готова к такому признанию дочери. Годы холода

и отстранённости, взаимных упреков должны были исчезнуть всего лишь за один телефонный монолог, пусть и очень искренний – наверное, вряд ли такое возможно. Ольга и не рассчитывала на то, что её мать в одночасье посмотрит на их прошлое другим взглядом, забыв всё плохое. Для самой Ольги такое возможно стало лишь после сильнейшего переживания. Но для матери... Она не знала, но надеялась быть услышанной и понятой. В конце концов, она сделала важный шаг и никогда о нём не пожалеет.

– Мне нужно закурить сигарету, – нарушила паузу Мария и тут же спохватилась: – Ах, да! Я же бросила курить. Жизнь – дерьмо. Мне даже нечем прикрыть этот яркий свет, внезапно ослепивший меня. Я беззащитная и совершенно беспомощная старая баба, у которой даже нет сигареты для спасения.

Услышав эти слова матери, Ольга внутренне улыбнулась, вспомнив, что её мать – театральная актриса, всю жизнь приносившая свою работу на дом. Раньше ей это очень не нравилось, но сейчас показалось очень уместным. В этом монологе старой актрисы угадывалась попытка сохранить равновесие при постигшем её эмоциональном потрясении.

– Слава Богу, что твои слова не стали эпитафией на моей могиле. Ты всё-таки успела, дорогая моя, – вновь заговорила Мария, и было заметно, что она с трудом подбирает слова. – Ладно, к чёрту! Я лучше скажу так, как говорила моя соседка, покойница Алевтина, вечно раздражающая меня своей простотой и чрезмерной любовью к миру. Её слова сейчас были бы куда уместнее, это точно. Слушай их, Оленька, доченька моя. Во-первых, я тоже очень тебя люблю; и во вторых, я тоже очень горжусь тобой! Я всегда знала, что моя дочь – великая женщина, просто не осознававшая этого до сегодняшнего дня. Между нами разница лишь в том, что, говоря эти слова, я экономлю на слезах. Старухи же плачут, только хороня любимую кошку. Ты считала себя плохой дочерью, а я считала себя плохой матерью. Ирония. Глухонемые мы с тобой, доченька. Всего-то нужно было несколько слов. Но ты – моя дочь, как я – твоя мать. А ещё у нас на двоих есть прекрасный мужчина – твой сын и мой внук. Выстрадавший мною и тобою. Кровинушка наша...

Всё же голос пожилой женщины дрогнул, и Ольга ощутила тайную слезу на щеке матери.

– Для меня очень важен этот твой звонок, – продолжила Мария. – Он самый важный в моей жизни. Теперь я знаю, насколько мы близки. Теперь я знаю, что я не одинокая старая и больная обезьяна.

Ольга ликовала. Она одновременно испытывала чувство счастья и обиды: счастья от того, что смогла за короткий миг вернуть в свою семью мир и покой, найдя, казалось бы, утерянную тропинку к сыну и матери; и обиды за то, что не случилось этого раньше. Получается, что всё было в её руках, и два самых близких для неё человека страдали не по своей вине. Виновата была она. Как же больно осознавать это. К лёгкости, возникшей после разговора с сыном, добавилась лёгкость от разговора с матерью, вызвав в душе настоящее сияние. Если бы только Мария могла видеть в этот момент свою дочь, то ослепла бы. А если бы сама Ольга посмотрела на своё отражение в зеркале, то обнаружила бы, что только что лишилась уродовавшей её лицо морщины, много лет носившей имя матери. Поразительно, но вслед за очень важными словами, сказанными двумя женщинами друг другу, последовал целый поток слов. Они не могли наговориться. Они говорили обо всём том, что многие посчитают неважным. Но любое слово, спрятанное на долгие годы в молчании, становится дороже золота. Мать и дочь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.